

ВЛИЯНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР НА СТАНОВЛЕНИЕ ОЙКОНИМИИ НЕМЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КРЫМА: ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. В. Ясыба

Данная статья продолжает цикл публикаций автора по исследованию названий населенных пунктов немцев-колонистов России и Украины XVIII – первой половины XX столетия. В статье изучается специфика наименования немецких поселений немцев-переселенцев Крыма под влиянием тюркских языков и культур на процесс номинации. Выявляется этимология тюркских названий, оказавших непосредственное воздействие на становление ойконимии немецких переселенцев.

Ключевые слова: немцы-переселенцы, ойконимия, поселение, немецкие и тюркские названия, ойконим, комоним, этноним, геноним, язык, культура

Дана стаття продовжує цикл публікацій автора, присвячених дослідженню назв німецьких населених пунктів німців-колоністів Росії та України XVIII – першої половини XX століття. У статті вивчається специфіка найменування німецьких поселень німців-переселенців Криму під впливом тюркських мов та культур на процес номінації. Виявляється етимологія тюркських назв, які безпосередньо вплинули на становлення ойконімії німецьких переселенців.

Ключові слова: німці-переселенці, ойконімія, поселення, німецькі та тюркські назви, ойконім, комонім, етнонім, генонім, мова, культура

The given article continues a set of the author's publications on the place names of German settlers of Russia and Ukraine in the 18-th – the first half of the 20-th century. The article treats the denomination specificity of German settlements in the Crimea under the influence of Turkic languages and cultures upon the nomination process. The etymology of Turkic place names, which has shaped the oiconymy of German settlers, is highlighted.

Key words: German settlers, oiconymy, settlement, German and Turkic proper names, oiconym, commonym, genonym, ethnonym, language, culture

Впервые человек появился на территории Крымского полуострова около 250 тысяч лет тому назад. В разные исторические эпохи в Крыму проживали многочисленные народы и племена, существовали различные государства [3, с. 13-40; 11, с. 7-26]. В течение веков народы сменяли друг друга, оставляя следы в виде памятников культуры, по которым археологи восстанавливают хозяйство и уровень цивилизаций прошлых эпох. Но, помимо материальных памятников, народ, великий создатель, оставлял и географические названия – своеобразные памятники устного творчества [6, с. 24]. Свыше тридцати этносов – представителей индоевропейской (индийской, иранской, славянской, германской, романской, греческой, армянской групп), семито-хамитской, финно-угорской, тюркской, монгольской языковых семей жили в разное время на территории Крымского полуострова и реально оставили свои следы в его топонимии. Смещение языков и культур народов Крыма особенно ярко отразилось в названиях населенных пунктов представителей разных национальностей – в частности, в названиях поселений немцев-колонистов четко прослеживаются взаимодействия немецкого и тюркских языков, взаимосвязи таких, на первый взгляд, разных культур. Исследования истории тюркского мира, исчисляемой тысячелетиями и исходящей из единого источника культуры, этнографии и топонимии, не утрачивают актуальности и по сей день, а исследование влияния тюркских языков и культур на становление ойконимии немецких переселенцев Крыма **актуально** в свете развития темы языкового и культурного взаимодействия в полиэтническом пространстве, а также продиктовано необходимостью тщательного исследования ономастикона всех народов, в частности малых этнических групп, для которых сохранение своего культурного наследия и родного языка является особенно важным. **Новизна исследования** состоит в том, что изучение влияния тюркских языков и культур на становление ойконимии немцев-переселенцев Крыма проводится впервые, и во многом обусловлена подходом к исследуемому материалу, а также малоизученностью проблемы немецкой колонизации с лингвистической точки зрения в целом. Взаимосвязи и взаимодействия языков и культур в немецкой ойконимии Крыма выявляются с учетом специфики последних и особенностей исторического и культурного наследия немецкого и тюркских народов. **Цель настоящего исследования** заключается в изучении влияния тюркских языков и культур на становление ойконимии немцев-переселенцев Крыма, в исследовании проявления взаимосвязей и взаимодействия языковых и культурных особенностей разных этносов в комонимах – названиях немецких сельских поселений. **Задачи исследования:** 1) изучение специфики наименования немецких поселений под влиянием тюркских языков и культур на процесс номинации; 2) определение наиболее типичных особенностей формирования немецких комонимов в условиях билингвизма; 3) выявление этимологии тюркских названий, оказавших непосредственное воздействие на становление ойконимии немцев-переселенцев Крыма.

С присоединения Крыма к России после русско-турецкой войны (Манифест Екатерины II от 8 апреля 1783 г.) и началась история заселения степной и южнобережной частей полуострова выходцами из германских земель. Краткая историческая справка о заселении немцами-переселенцами Крыма приводится в предыдущих публикациях автора [12; 13]. С 1802 по 1897 гг. в Крыму было основано более 100 немецких

поселений, которые реально просуществовали до 20-30 гг. XX столетия. Немецкие колонии, хутора, деревни и села неоднократно переименовывались, многие из них просто упразднились, а после депортации немецкого населения в августе 1941 г. в Северный Казахстан навсегда исчезли с топонимической карты Крыма. Поскольку немецкие поселения здесь больше никогда не восстанавливались, навсегда исчезли и все их названия. Этнографическая карта Европейской России 1875 г., в соответствии с первой переписью населения Российской Империи [7], отображает всего 22 немецких поселения в Крыму. По данным обследования статистических учреждений Министерства Внутренних Дел, в 1886 г. во всех уездах и волостях полуострова было «зафиксировано» также 22 немецких поселения, 17 из которых имели параллельные названия: немецкое и тюркское [4]. Однако поселений немцев-колонистов насчитывалось гораздо больше. Многие географические карты этого времени не всегда правильно фиксировали некоторые названия, в частности отображали не все немецкие поселения с тюркскими названиями, существовавшие в той или иной период времени, что было связано, в первую очередь, с национальной политикой Российской Империи в Крыму (интенсивная замена татарского населения русским после 1783 г., массовое переселение татар с 1784 по 1862/1866 гг.). Многие названия немецких поселений тюркского происхождения просто умалчивались и не фиксировались в официальных источниках: по сведениям 1886 г., на территории Крыма существовало только 3 (!) немецких поселения с тюркскими названиями: Кайнаш, Карасан, Кенегез [4]. Однако примечательно то, что сами немцы оставили для большинства своих поселений первоначальные тюркские названия деревень, покинутых местными жителями. Данные названия существовали на территории Крыма уже длительное время и представляли собой так называемые исторические топонимы полуострова. По официальным данным, в 1863 г. совершенно опустели 784 татарских деревни и аула только в Таврической губернии: в одном Перекопском уезде опустело 278 аулов. После одной из последних волн массовой эмиграции татар в 1860-1866 гг. в Крыму осталось более 550 брошенных населением деревень [11, с. 24; 13, с. 96]. Покинутые селения заселяли немецкие колонисты, что объясняет наличие более чем 70% тюркских названий среди названий немецких поселений. Однако современные авторы указывают на небольшое количество населенных пунктов, основанных немцами в Крыму [1, с. 174; 3, с. 39-40], часто не приводя в пример поселения с названиями тюркского происхождения. Более точную и полную информацию по всем немецким поселениям конца XVIII – начала XX столетия предоставил исследователь К. Штумпп. К 1921 г., по данным составленных им карт, в Крыму существовало 143 поселения немецких колонистов [14]. На основании изученных этнографических, исторических и географических карт, исторических документов, материалов архивов городов Украины и Германии, списков населенных пунктов, работ отечественных и зарубежных авторов нами установлено, что на территории Крыма в период конца XVIII – первой половины XX столетия существовало 180 немецких поселений. Данные были пополнены и уточнены (ср.: [12, с. 367; 13, с. 96]) благодаря ценным историческим документам архивов, картам и многим другим источникам [4; 7; 8; 9]. В отдельных случаях достаточно сложно установить точное количество немецких колоний в длительный период времени. Возможные погрешности при подсчете и выборке названий возникают из-за неточностей и ошибок картографов, чиновников при переписи, а также в результате отсутствия необходимых архивных данных, карт, списков населенных пунктов, важных исторических документов, которые были утеряны, уничтожены или вывезены за рубеж во времена Великой Отечественной войны [13, с. 96].

На территории Крыма столкнулись два мира: оседлый и кочевой – с их традициями и особенностями культур. Кочевому обществу свойствен консерватизм, объясняющийся медленным развитием производительных сил, что способствовало длительному сохранению патриархально-родового строя у скотоводов-кочевников, а вместе с тем и родоплеменной организации. Названия, связанные с обозначением тюркских родов и родовых подразделений, возникали при переходе кочевников к оседлому земледелию. Необходимо было показать собственность рода на земельные угодья, пастбища, водоемы, выделить жилища, принадлежавшие своему роду, из числа прочих жилищ, принадлежавших другим родовым подразделениям того же племени [11, с. 92-93]. Кочевая культура тюркских народов отразилась в многочисленных ойконимах Крыма, перенесенных впоследствии на немецкие поселения и закрепленных за ними. Исследование тюркских родовых имен показало их весьма разнообразное происхождение, связанное с различными историческими условиями. Подробное изложение этого материала не входит в задачи данного исследования; неоспоримо важно то, что большинство немецких топонимов тюркского происхождения, несомненно, восходят к генонимам и этнонимам, т.е. представляют собой названия родов, поколений, их подразделений, названия этнических групп, племен, народов и т.д.: *Абаклы, Адаргин, Конград, Кудайкул, Месит, Мурзалар-Кемельчи, Огуз-Тобе, Отар, Отар-Мойнак, Отуз, Сая, Ширин, Собак-Эли, Табуалды, Таймаз, Тарханлар, Темир, Темеш, Терекли-Шейх-Эли, Узбек, Чолбаи, Чучкара* и многие другие [5]. Соглашаясь с мнением А. В. Суперанской, отметим, что «расшифровку» многих ойконимов нельзя искать на основе природных условий окружающей местности (или имен нарицательных), игнорируя тот факт, что «в основе большинства ойконимов лежат родовые имена, и связь топонима с апеллятивной лексикой (при прозрачности семантики родового имени) оказывается не непосредственной, а опосредованной через родовое имя как совершенно определенное промежуточное звено» [10, с. 87-88, 93-94; 11, с. 93]. Поспешные этимологии очень опасны, особенно в тех случаях, когда они элементарно просты и прозрачны: объяснение названия *Акманай* из тюркского '*акманай*' – *белолобый*. В действительности название происходит от антропонима *Manlay (Manggai)* – царевич Мангай, сын Чингис-хана; впоследствии данный антропоним стал генонимом. Пытаясь вскрыть происхождение

названий таких поселений, как *Алатай, Отеш, Отуз, Темир*, не следует обращаться к анализу составляющих их лексем (*'нестрый жеребенок', 'огонь', 'тридцать', 'железо'*), поскольку все они попали в топонимический ряд через посредство родовых имен и поэтому их нельзя непосредственно возводить к указанным словам. Установленные рамки исследования, к сожалению, не позволяют подробно остановиться на описании многочисленных лексических единиц и их подробном анализе, поэтому приведем лишь некоторые примеры. Компоненты *шейх, ходжа (коджа), сейид (сеит)* в таких названиях, как *Ак-Шейх, Шейх-Эли, Джага-Шейх-Эли, Терекли-Шейх-Эли, Аджи-Ахмат, Сеитлер-Тарханлар*, связаны со «священными» этническими группами, которые считали себя потомками Мухамеда (Магомета) и пользовались большим авторитетом и привилегиями. По свидетельству В. Х. Кондараки, в одной из старинных рукописей рассказывается о переселении из страны арабов в Крым 32 братьев-шейхов [11, с. 96]. Упоминание о крымских шейхах содержится и в ярлыке хана Мухаммед-Гирея (первая четверть XVI в.) [11, с. 96]. *Шейх* – духовный наставник, глава ордена дервишей, почетный титул мусульманских религиозных лиц. Слово *аджи* в османском языке означает то же, что *ходжи* в арабском, – почетное звание, которое присваивалось мусульманину, побывавшему в Мекке. Оно присоединялось к его имени. *Ходжа* – учитель, мулла, духовное лицо. *Сейид* – титул потомка пророка Мухаммеда и халифа Али. Однако данные названия также связаны с названиями родоплеменных подразделений узбеков (*ходжа-эли, ходжалы, шейх, саят*), туркмен (*шейх, саят*), казахов (*ходжа*), киргизов (*саят*), крымских татар (*шейх*) и каракалпаков (*шейх*). Название поселения *Аджи-Ахмат* связано с названием мелкого родового подразделения, которое есть у киргизов (*ажи*) и у туркмен (*ажы*). Отмечено оно также в некоторых родовых именах казахов [11, с. 95]. Таким образом, вышеуказанные имена нарицательные впоследствии перешли в ряд генонимов. Возможно, что ойконимы *Айдар, Актай, Боняк, Тарх, Темир, Эссен*, в состав которых входят половецкие личные мужские имена, первоначально были антропонимическими и впоследствии также стали генонимами. Поскольку одноименные роды входили в состав многих тюркских племен (и даже некоторых монгольских), обнаружение на территории Крыма топонимов, имеющих созвучные им родовые имена у любого тюркоязычного племени независимо от того, где живет оно в настоящее время, должно свидетельствовать прежде всего о том, что перед нами топонимы, образованные от имен родов или племен [11, с. 108]. Чисто антропонимическими ойконимами можно считать такие, как: *Джага-Аликэ – край, берег, долина, граница Аликэ* (какой-то Аликэ принимал участие в назначении Хаджи-Гирея ханом Крымского юрта). Такие названия, как *Овчин, Отрок, Кобан, Козак*, восходящие к антропонимам, а также *Барин, Калач, Месит (Бесит)*, восходящие к генонимам и этнонимам, не следует путать со словами *овчина, отрок, кабан, казак, барин, калач, месит, бесит*, имеющими привычные для славянского населения значения. Часто из-за сходности звучания немецкое население переименовывало тюркские названия и воспринимало их как немецкие: *Эсен-Ики – Essen-Eck* (нем. *'das Essen' – еда, ница; 'die Ecke' – угол, Кеплеут – Kehrleut* (нем. *'kehren' – поворачивать; 'zurückkehren' – возвращаться; 'die Leute' – люди*), что приводило к полному изменению значения. Из-за отсутствия необходимой документации в большинстве случаев достаточно сложно установить, какие поселения имели параллельные названия, поскольку в разные временные периоды названия одних и тех же поселений были записаны по-разному, что подтверждают и официальные источники: *Heilbrunn – 1805-1806, 1917-1921; Heilbrunn (Temesch-Elli) – 1886; Temesch – 1897* и т.д. Нами было установлено, что, несмотря на присвоение поселениям новых немецких названий, старые (тюркские) названия были сохранены и функционировали на протяжении существования поселений наравне с немецкими названиями как среди немногочисленного местного населения, так и среди самих поселенцев. Лишь небольшое количество поселений имело только немецкие названия; в основном это были дочерние колонии, образованные на свободных землях: *Hoffnungsfeld, Schönbrunn, Schönfeld, Wasserreich, Westheim*. Многие названия были полностью заменены на немецкие; в основном это были названия первых официальных колоний, образовавшихся в самом начале переселения немцев: *Friedental, Neusatz, Rosental, Heilbrunn, Herzenberg, Zürichthal*. Однако позднее большинству поселений были возвращены первоначальные тюркские наименования и во многих письменных источниках они фигурировали впоследствии уже с параллельными названиями: *Neusatz (Чукурча), Rosental (Бурунча), Heilbrunn (Темеш-Эли)* и др.

Проведенное исследование позволяет сделать **выводы** общего характера. Влияние тюркских языков и культур на ойконимию немцев-переселенцев прослеживалось в следующем: 1) функционирование большого количества двойных параллельных названий; 2) сохранение более 70% исторических тюркских ойконимов. Многочисленные примеры показывают, что между именем нарицательным и топонимом нередко имеется одно или несколько промежуточных звеньев в виде индивидуальных или групповых собственных имен [10, с. 88-89]. Схематично это выглядит так: имя нарицательное → антропоним → геноним/этноним → топоним. Все три категории именных слов, обозначающих человека, порой тесно между собой переплетаются и не всегда однозначно интерпретируются [10, с. 89]. Влияние тюркских языков и культур было значительным. Несмотря на попытки властей полностью искоренить тюркские названия немецких поселений, использование данных названий оказалось необходимым. Следует отметить, что сами немцы тщательно сохраняли исконно тюркские названия, о чем свидетельствуют записи в метрических книгах и документах, составленные немецкими чиновниками, а впоследствии труды немецких ученых, не только установивших практически все названия немецких колоний в Крыму, но и исследовавших топонимию Крыма до переселения немцев в опустошенные села. Как известно, топонимы являются объектом исследования географов, лингвистов и историков. Топонимы, истолкованные без привлечения географических наук, как бы лишены пространства, без лингвистического анализа – немые, а без изучения в историческом аспекте –

лишены корней. Поэтому совокупность трех направлений науки раскрывает суть каждого топонима в отдельности, их географическое распространение и языковое осмысление [2, с. 3]. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в подробном изучении взаимодействия культур и языков в ойконимии немцев-переселенцев Крыма, составлении историко-этимологического словаря названий немецких поселений, изучении особенностей адаптации и функционирования тюркских названий в немецком языке с широким привлечением данных таких наук, как лингвистика, история и география, так как «топонимы при одностороннем изучении остаются вне творческого синтеза остальных двух наук» [2, с. 9].

Литература:

1. Брандес Д. Бердянский колонистский округ // Энциклопедия «Немцы России». – М.: Изд-во «ЭРН», 1999. – Т. 1. – С. 173-175.
2. Будагов Б. А. Тюркские топонимы Евразии. – Баку: Огуз эли, 1997. – 256 с.
3. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. – Київ: Інститут сходознавства НАН України, 2003. – 228 с.
4. Волости и важнейшия селения Европейской России. По даннымъ обследования произведеннаго статистическими учреждениями Министерства Внутреннихъ Дель, по поручению Статистическаго Совета / Сост. Ершовъ Г. Г. – СПб: Типографія Министерства Внутреннихъ Дель, 1886. – 157 с.
5. Лезина И. Н., Суперанская А. В. Ономастика. Часть II: Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1994. – 233 с.
6. Мурзаев Э. М. География в названиях. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
7. Населенныя места Россійской Имперіи въ 500 и более жителей съ указаніемъ всего наличнаго въ нихъ населенія и числа жителей преобладающихъ вероисповеданій, по даннымъ первой всеобщей переписи населенія 1897 г. / Подъ ред. Н. А. Тройницкаго. – СПб: Типографія „Общественная польза“, 1905. – 400 с.
8. Семеновъ-Тянь-Шанскій В. П. Россія. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. – СПб: Изданіе А. Ф. Девриена, 1910. – Т. 14: Новороссія и Крым. – 983 с.
9. Списки населенных мест Российской Империи: В 65 вып. / Центральный Статистический комитет Министерства Внутренних Дел. – СПб., 1865. – Вып. 41: Таврическая губерния. – 3, LV. – 138 с.
10. Суперанская А. В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984. – 182 с.
11. Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исхакова Х. Ф. Топонимия Крыма. Часть I: Введение в топонимию Крыма. – М.: Московский Лицей, 1995. – 215 с.
12. Ясыба А. В. Взаимодействие национальных культур и языков в немецкой топонимии Крыма // Материалы X Международной конференции по функциональной лингвистике: «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации». – Ялта: Доля, 2003. – С. 367-368.
13. Ясыба А. В. Взаимодействие немецких и тюркских языков в ойконимии Крыма // Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. Научный журнал «Культура народов Причерноморья». – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2003. – № 44. – С. 94-100.
14. Stumpp K. Die deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet dem früheren Neu- (Süd-) Russland. – Stuttgart: Ausland und Heimat Verlags-Aktiengesellschaft, 1922. – 54 S.